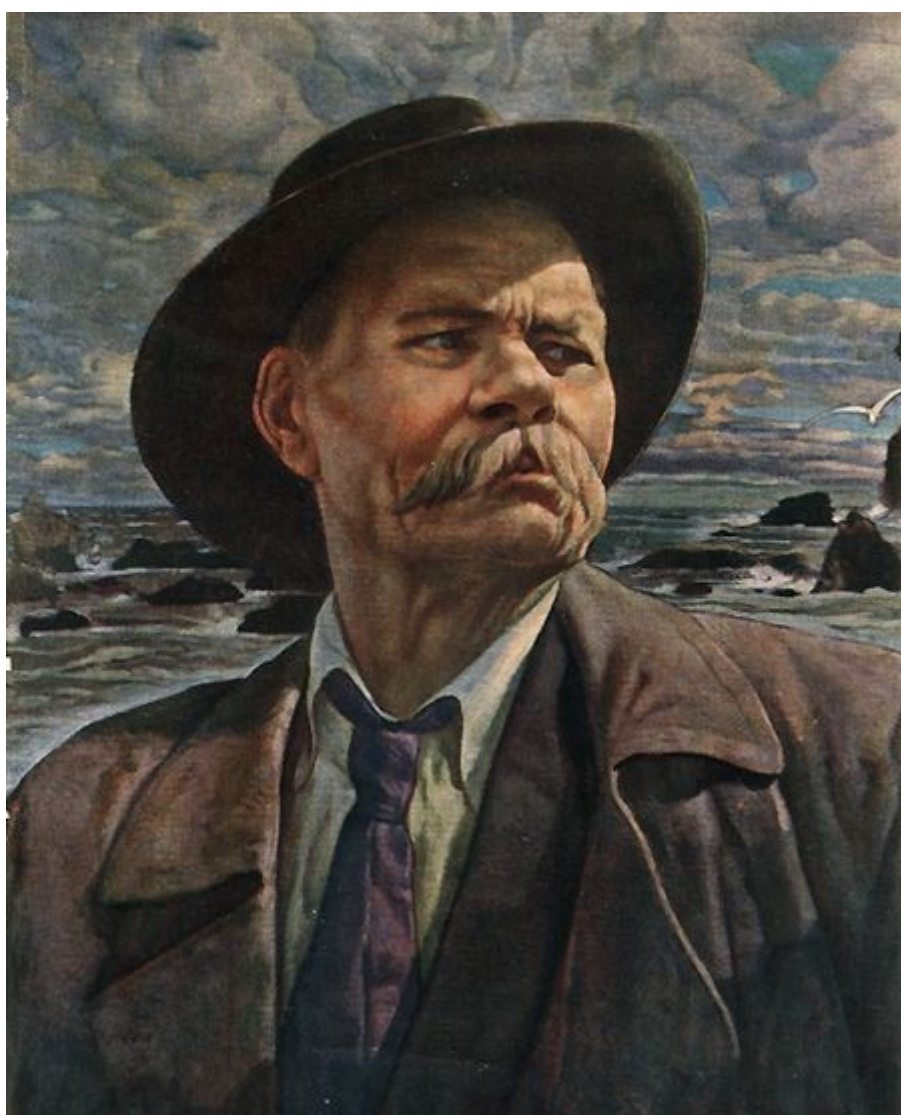

А. М. Горький (1868-1936)

Странная это была семья. И крестные у Алеши были странные. Ни с кем из них Алеша не имел никакой связи в дальнейшем. А ведь если верить повести «Детство», и дедушка, и бабушка, с которыми ему пришлось жить до отрочества, были личностями религиозными.

Станным был и его отец Максим Савватиевич Пешков, и дед по отцу Савватий, человек столь крутого нрава, что в эпоху Николая I из солдат дослужился до офицера, но был разжалован и сослан в Сибирь «за жестокое обращение с нижними чинами». К сыну своему Максиму он относился так, что тот не раз убегал из дома. Однажды отец травил его в лесу собаками, как зайца, другой раз истязал так, что соседи отняли мальчика.

Кончилось тем, что Максима взял к себе на воспитание крестный, пермский столяр, и обучил ремеслу. Но, то ли там мальчишке жилось несладко, то ли бродячая натура опять взяла верх, а только убежал он и от крестного, водил слепых по ярмаркам и, придя в Нижний Новгород, стал работать столяром в пароходстве Колчина. Был это красивый, веселый и добрый парень, чем и влюбил в себя красавицу Варвару.

Максим Пешков и Варвара Каширина (родители Горького) обвенчались с согласия (и с помощью) одной матери невесты, Акулины Ивановны Кашириной. Как говорили тогда в народе, женились «самокруткой». Василий Каширин был в ярости. «Детей» он не проклял, но и жить их к себе до рождения внука не пускал. Только перед родами Варвары пустил их во флигель своего дома - примирился с судьбой.

Однако именно с этого момента судьба начинает преследовать род Кашириных. Как будто появление мальчика знаменовало собой Божье проклятие для всей семьи. И как всегда бывает в таких случаях, поначалу судьба улыбнулась им последней закатной улыбкой. Последней радостью.

Максим Пешков оказался не только талантливым мастером-обойщиком, но и натурой артистической. Кроме этого (и это не могло не понравиться Василию Каширину), Максим Савватиевич отошел от бродяжничества, крепко осел в Нижнем и стал уважаемым человеком. Пароходство назначило его конторщиком и отправило в Астрахань.

Вот в Астрахани-то судьба и настигла Максима и Варвару Пешковых, а с ними и каширинский род. Летом 1871 года трехлетний Алексей заболевает холерой и заражает ею отца. Мальчик выздоровел, а отец, возившийся с ним, помер, чуть-чуть не дождавшись рождения своего второго сына выкинутого Варварой возле его трупа и названного в его честь Максимом. Максима — старшего похоронили в Астрахани. Младший умер по дороге в Нижний, на пароходе, и остался лежать в Саратовской земле.

По прибытии Варвары домой, к отцу, ее братья переругались из-за приданного сестры, на которое после смерти мужа она имела право претендовать. Дед Каширин был вынужден разделить с сыновьями. В результате, раздробив «дело» и став конкурентами сами себе, они разоряются, впадают в нищету. Так зачахло дело Кашириных.

Единственным, положительным итогом всей этой внезапной череды несчастий было то, что через некоторое время и русская, и мировая литература обогатились новым именем. Но для Алеши Пешкова приход в Божий мир был

связан, прежде всего, с тяжелейшей душевной травмой, вскоре перетекшей в религиозную трагедию.

Первые «церковные» воспоминания Горького связаны с детскими травмами. Буквальными (дедушка больно толкал в шею) и душевными (вся родня пошла в церковь на венчание Варвары, затем все сели за стол, а про мальчика забыли). Это были первые кирпичики того фундамента, на котором строилось отношение писателя к церкви.

В семье Кашириных Алексея считали источником всех бед. Почти все (за исключением бабушки Акулины) не любили этого мальчика. Даже родная мать, понимая, что Алеша ни в чем не виноват, что причиной смерти мужа Максима он стал невольным, не любила его.

Не сразу, но со временем он стал понимать это и заплатил родне той же монетой. Нет ничего страшнее души ребенка, которого лишили любви. И нет ничего более непредсказуемого, чем выводы такого ребенка о мире, о Боге и о людях.

Бабушка Акулина — в глазах Алексея — не Каширина. Она добрая. Она святая. Бабушка для Алеша первое, и даже единственное «теплое» место, которого коснулась его детская, но уже навек травмированная душа. Это даже не любовь, а просто спасение в холодном безлюбовном мире. Фактически бабушка заменяет Алеше не только мать, но и становится для него богом в мире, где Бог бросил его на произвол злой и холодной судьбы. Этот образ бабушки - художественный, поэтический, прекрасный. А кем же в реальности была бабушка Акулина?

Во-первых, она была пьяница. Но для Алеша Бог един — Бабушка. Настоящий Бог обидел его. Леша жметесь к ней. Да, но в глазах-то остальных, и даже собственной дочери, это просто добрая, смешная, шалопутная пьянчужка, непутевая бабка с рыхлым, распухшим от пьянства красным носом. Бабушки стыдится не только ее дочь, но и муж.

Если бы Алеша остался верен своему Богу, то бабушка точно смогла бы утянуть Алексея на «дно» жизни. И только ценой предательства (своего рода убийства в себе) этого страшно милого, доброго, поэтического и страшно русского бога Алеша Пешков станет Максимом Горьким. Но был еще другой Бог — дедушкин. Беда была в том, что он не любил этого дедушкиного Бога и не понимал Его. Горький бунтует. Если Господь бросил людей на произвол дьявола, что ж, отвернемся и мы от Него. Да он сам, создав для человека несправедливые условия бытия, сделав игрушкой дьявола, предопределяет это.

Эти гордые мысли неотчетливо вызревают в голове Алексея. Там царит мешанина, путаница из чужих мыслей и верований, но одно он начинает понимать с горечью: главный враг человеку — не Бог, а люди! **«В наше время ужасно много людей, только нет человека»**, - заявит он потом в одном из своих писем.

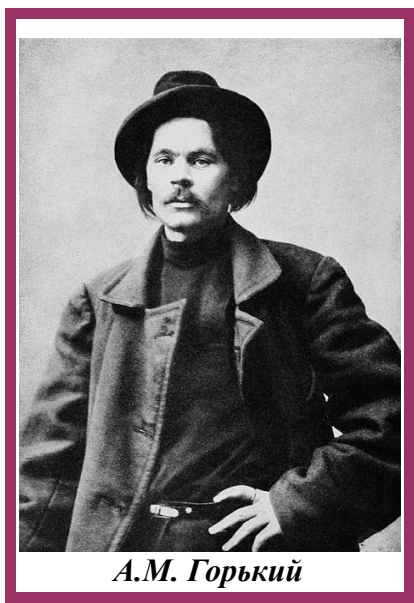
После смерти матери дед Каширин сказал Алеше: **«Ну Ляксея, ты — не медаль, на шее у меня — не место тебе, а иди-ка ты в люди»**.

Пропусту говоря, мальчика выставляют за дверь через несколько дней после того, как умерла его мать и он стал окончательным сиротой. Со смертью

дочери Варвары рвется последняя нить, которая связывала деда Каширина с Алешей Пешковым родственной ответственностью. Ради дочери дед Каширин еще мог потерпеть маленького Пешкова в своем доме. Но, по мере разорения Кашириных, Алеша все больше становился обузой. Смерть дочери развязала Василию Васильевичу руки. Ступай вон!

Горький не был босяком, и происхождение имел отнюдь не пролетарское. Дед Каширин был богатым владельцем красильной мастерской, был в числе зажиточных граждан. Поднявшись со дна трудовой жизни до относительного обеспеченного социального положения, он мечтал поднять род Кашириных еще выше.

На сыновей надежд не было. Любили выпить, скандалили между собой за наследство, а вот красавица дочь Варвара, да еще с хорошим приданным, могла претендовать на дворянина. Не вышло. Умер Василий Васильевич нищим. Но справедливости ради надо сказать, что как ни обижали Алешу в этой сложной семье, но все-таки личность его во многом сформировалась благодаря дедушке и бабушке Кашириным. После изгнания из их дома Алеша какое-то время работал разнорабочим, затем грузчиком, посудомойщиком на судне. По совету своего приятеля он решил ехать в Казань, учиться в университете.

А.М. Горький

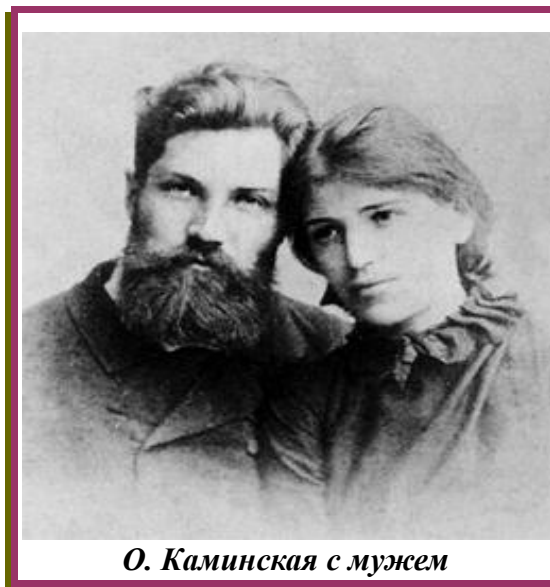
В свое время Пешков не закончил даже начального приходского училища. Даже в такой школе, рассчитанной на самые низшие, неимущие слои населения, Алеша оказался изгоем, человеком из низшей касты. Так что образования у него не было. При этом воля к учению и «лошадиная», по словам деда Василия, память у Алеши были необычайные. Только этим можно объяснить, что бывший ветошник, нищоброд (как его звали) через несколько лет свободно штудировал Ницше, Шопенгауэра. Судьба определенно преследовала его. В год, когда он собрался поступать в университет, был принят новый устав, согласно которому сокращалось число принимаемых в

университеты лиц из беднейших слоев населения. Для Пешкова это означало: никаких шансов стать студентом. Он снова возвращается в Нижний. Ему казалось, что жизнь его закончилась.

На рубеже 19-20 веков было модно умирать не по-человечески, не по-божески, насильственно прерывая жизнь в цветущем возрасте. И не просто прерывая, а с каким-нибудь вывертом. Молодой Пешков тоже страдал суицидальным комплексом. Еще будучи школьником, когда он заболел оспой и его связали, чтобы он не расчесывал себя до крови, Алеша развязался и выбросился через чердачное окно, разбив стекло головой, и пролежал довольно долго в снегу, пока его не обнаружили. Затем было еще несколько попыток самоубийства. В 13-летнем возрасте он влюбился в молодую красивую вдову. Она давала ему поэтические сборники, поощряла его страсть к чтению и являлась для него идеалом женственности и красоты. Она была для него

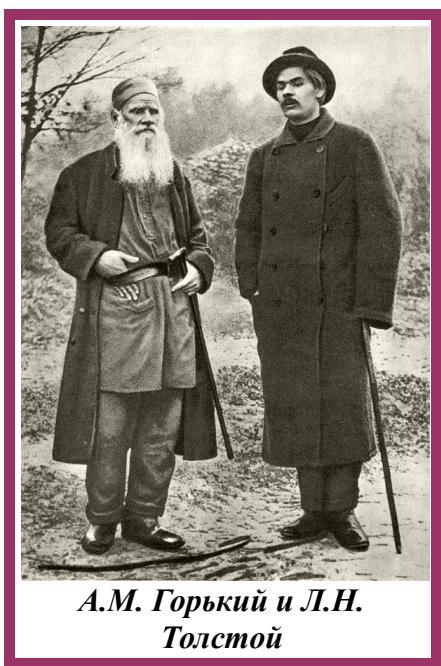
«Королевой Марго», он посещал ее по воскресеньям и всегда делился с ней всеми секретами, которые она выслушивала лежа в постели. Однажды он, как обычно, пришел к ней и увидел, что она лежит в постели с мужчиной. **«Я никогда не верил в то, что моя Марго дарила кому-нибудь свою любовь, как любая другая женщина»**, - написал Горький позже.

В 1887 году 19-летний Горький, отчаявшись найти любовь и понимание и выбраться когда-либо из нищеты и одиночества, совершил очередную попытку самоубийства. Стрелял он неудачно. Пуля не попала в сердце, а застряла в легком. Чувствуя себя глубоко несчастным, Горький обратился к психиатру. Тот посоветовал ему найти девушку, которая знает, как это делать и все образуется. Горький нашел замужнюю женщину, которая была старше его на шесть лет. Ольга Каминская была остроумна и очаровательна. Страсть Горького превратилась в агонию, когда она отказалась оставить своего мужа. Он уехал, но через два года они опять повстречались. Когда Горький узнал, что она живет одна, то упал в обморок от нахлынувших чувств. Он женился на Ольге, и они стали жить в бане, во дворе дома, в котором жил священник-алкоголик. В течении двух лет супруги были страстно влюблены друг в друга. Горький оставил Ольгу только тогда, когда она почти открыто начала изменять ему.

О. Каминская с мужем

В советское время писать о психопатии Горького было не принято. Хотя он бесспорно был психически неуравновешенным человеком и сильно страдал от этого. Но отношение зрелого Горького к самоубийцам было резко отрицательное, до безжалостности. На самоубийство Маяковского он отозвался почти презрительно: «Нашел время». В позднем его рассказе «Случай из жизни Макара» дается простое объяснение попытки самоубийства — из-за неудачной влюбленности. По-видимому, с девушками у Пешкова обстояли дела не лучшим образом. И не только потому, что философ по натуре своей, он смущал их чересчур «умственным» отношением к жизни. Такой может заинтересовать девушек, но нравиться им — никогда. Пешков был страшным переростком и физически, и интеллектуально. Он ворочал многопудовые мешки с мукой, а затем садился на них и читал Шопенгауэра. Общество женщин его стесняло: среди них он больше молчал, а если и

А.М. Горький и Л.Н. Толстой

говорил, то очень мало, отрывисто.

После Казани он много скитался, батрачил у богатых мужиков, работал на рыбном промысле. Именно в этот период Пешков проходит искус «толстовства», которым переболели все крупные писатели: Чехов, Бунин, Андреев. Он написал Толстому письмо. Оно, конечно, поражает своей дремучей провинциальной наивностью, но за этим письмом стоит не только он, а целая группа растерянных молодых людей, одуревших от уездной, скучной и бессмысленной жизни, с беспробудным пьянством и бесконечными сплетнями — скуки, от которой хочется повеситься. А молодые люди одержимы жаждой деятельности. Они хватаются за Толстого, как за соломинку. Им невдомек, что таких, как они, в России великое множество. И все эти люди своими просьбами уже порядком надоели Толстому. Итак, он «всего лишь» просил у Толстого земли и денег на первичное обустройство на его же графской земле. Еще просил, чтобы снабдил их книгами, которые запрещены к распространению и прочее, не понимая, что подобного ждали от писателя слишком многие. Толстой ему не ответил. Алеша, потерявший смысл жизни, едва ли не убивший себя физически и раздавленный душевно не нашел поддержки у Толстого. Еще один «учитель» расстался с ним, ничему его толком не научив, а только внушив, что мир не так прост.

И только позже встреча с В.Г. Короленко стала для Алексея едва ли не первым опытом исключительно позитивного общения с человеком, который стоял неизмеримо выше его и в социальном, и в литературном, и в «умственном» отношении. Короленко был первым, от кого Пешков не «отчалил», как от бабушки и прочих. Он с некоторым изумлением для себя вдруг понял, что существуют на свете люди, которые, не вторгаясь в твою душу, способны спокойно тебя поправить и поддержать. Это еще не Человек, но и не «люди», в отрицательном смысле. Они как «оазисы» в духовной пустыне. Напиться воды, омыть душевные раны и уходить дальше, но набрав с собой воды. Короленко очень мягко и тактично формировал его как писателя. Именно после первой встречи с ним Пешков-графоман превратился в Пешкова-писателя. Через три года появится первый рассказ «Макар Чудра», который писатель подпишет псевдонимом «Горький». Спустя три года будет опубликован «Челкаш», а еще через три года выйдут очерки и рассказы. Главной темой всего творчества Горького станет тема Человека. Его герои романтичны, они стремятся к свободе от общества, от пут государства и цивилизации. Он высоко ценил подвижников, любящих людей не отвлеченно-рассудочной, а сердечной и деятельной любовью. Горький хорошо чувствовал этот русский тип, высоко ценил его, но он не вполне отвечал его идеалу Человека. «Малые дела» были не по его масштабу.

В конце 1899 года Горький впервые приехал в Петербург, познакомился с именитыми столичными литераторами и общественными деятелями. В их глазах он был выразителем «альтернативной культуры». Не зная толком, ни кто он, ни откуда явился, все видели в нем «вестника» неизвестной России.

«Человек — это переход и гибель», - говорил Заратустра Ницше, имея ввиду, что человек есть мост, протянутый природой между животным и сверхчеловеком. С этой «истиной» молодой Пешков познакомился еще до того,

как стал Горьким. Он очень увлекался трудами Ницше. Его интересовали вопросы мироустройства, человека и общества, морали. Ницше закончил свою жизнь в психиатрической клинике. Но свои лучшие труды он написал будучи абсолютно здоровым. Просто, как всякий талантливый человек, он опережал свое время. Между гениальностью и безумием всегда существовала очень тонкая грань. Чрезмерное увлечение философией однажды привело Горького к ощущению, что он сходит с ума. Но Горький, как человек с более крепкой нервной организацией, в отличие от Ницше, отделался легче. Нижегородский психиатр, осматривавший Горького сказал: *«Вам, дружище, прежде всего надо забросить ко всем чертям книжки и вообще всю эту дребедень, которой вы живете! По комплекции вашей вы человек здоровый, и — стыдно вам так распускать себя. Вам необходим физический труд. Насчет женицин — как? Ну, это тоже не годится! Предоставьте воздержание другим, а себе заведите бабенку, которая по жаднее к любовной игре — это будет вам полезно»*.

И Горький, последовав совету врача, бросил ко всем чертям книжки и отправился в свое знаменитое странствие «по Руси». Его первый рассказ «Макар Чудра» открывался следующими рассуждениями старого цыгана: *«Так нужно жить: идти, идти — и все тут. Долго не стой на одном месте — чего в нем? Вон как день и ночь бегают, гоняясь друг за другом вокруг Земли, так и ты бегай от дум про жизнь, чтоб не разлюбить ее, а задумаешься — разлюбишь жизнь, это всегда так бывает. И со мной так было»*. Зачем человек? Отчего он страдает? Почему Тот, кто создал, так безжалостен к нему и как человеку ответить на этот вызов Отца, чтобы сохранить свое благородство? Все эти вопросы были предметом постоянных размышлений Горького.

Настоящая слава его — неслыханная, феноменальная - началась с пьесы «На дне». До этого можно было говорить только о высокой популярности молодого прозаика. Испытание славой надо было выдержать. Слава Горького была огромна и уже скоро она начинает раздражать даже Толстого, который всегда высоко ценил его. Для Горького же Толстой, помимо писательской величины, являл собой и величину человеческую. Он одним из первых почувствовал, что Горький несет в себе новую мораль — мораль масс, он понимал, что именно Горький выражает настроение новой молодежи. Слава Горького шла по всей России. Потом она только продолжала расти. Русская интеллигенция сходила от него с ума... Каждое новое произведение его тотчас делалось всероссийским событием. Он все менялся и менялся — и в образе жизни, и в общении с людьми. Разумеется, огромное облагораживающее влияние на «верзилу» имела умница Екатерина Павловна, его единственная законная жена. Они познакомились в редакции «Самарской газеты». Там он и влюбился в Екатерину Павловну Воложину, которая работала корректором, вела активную революционную деятельность и была на десять лет моложе Горького. 30 августа 1896 года они обвенчались, а в конце 1903 года разошлись, но до

самой смерти Горького оставались друзьями. Он писал ей: **«Я люблю тебя не только, как мужчина, как муж, люблю и как друг, может быть больше как друг»**. И она старалась помочь ему во всем. Именно она научила его грамотно писать, как когда-то мать Варвара обучила читать светские книги. Он быстро все схватывал...

Екатерина Павловна была матерью двух его детей. Он их очень любил, был хорошим, заботливым отцом. Но Горький не был обычным человеком. У него было особое отношение и к жизни, и к смерти. В том числе и к судьбам близких людей. Даже такие удары, как смерть собственных детей, он переносил (внешне) со странным хладнокровием. Когда в Нижнем умирала от менингита его малолетняя дочь Катя, писатель находился в Америке. Выступал, встречался с Марком Твенем, давал интервью журналистам. Вдруг приходит телеграмма от Екатерины Павловны. Положение Горького было вдвойне мучительным. Известие о смерти пятилетней Катюши пришло не просто от безутешной матери, но и оставленной жены, которую Горький бросил ради актрисы Московского Художественного театра Марии Федоровны Андреевой.

Она и была с ним в американской поездке как его гражданская жена. Всякий мужчина, если он не циник, растерялся бы в этой ситуации. Только не Горький. Он считал, что нельзя ослаблять волю, давая свободу слезам

над обреченными людьми, тем более умершими, даже если это твои дети. Тоже самое с сыном. Когда через два часа после смерти сына к Горькому со словами сочувствия пришли старшие товарищи, он сделал усилие и перевел разговор на рельсы посторонних вопросов, сказав: **«Это уже не тема»**. Так же Алексей Максимович умер сам. Но в то же время Горький мог расплакаться над литературным произведением. Но это были лишь внешние выражения. Внутри он очень переживал. Переживал он и разрыв со своей женой. Он полюбил другую женщину. Ее звали Мария Федоровна Андреева. Аристократка. Но главное — артистка-мхатовка. Познакомил их Антон Павлович Чехов. В ту пору у Андреевой был бурный роман с известным

на всю Россию миллионером Саввой Морозовым. Их отношения развивались на глазах у всей Москвы. Морозов жертвовал огромные деньги в пользу театра, заваливал ее цветами и дорогими подарками. После встречи с Горьким

А.М. Горький и Е.П. Воложина (Пешкова)

М.Ф. Андреева

Андреева поняла, что влюбилась по-настоящему. Они были ровесниками - обоим по 32 года. Оба не были свободны. Несмотря на наличие двух детей, Горький ушел из семьи. Мария Андреевна тоже была замужем. Однако супруг и двое ее детей не могли сдерживать страстную натуру актрисы. Андреева сразу же после знакомства с Горьким разорвала отношения с Морозовым (говорили, что причиной самоубийства знаменитого предпринимателя было расставание с Андреевой). Из известной актрисы, кокетки и светской львицы она превратилась в верную жену и соратницу. Ради него оставила сцену, покинула дом (полную чашу) и стала женщиной при нем: возлюбленной, секретарем-переводчиком, домоправительницей. Когда на Капри он забирался в кабинет наверх, она сидела на нижней ступеньке лестницы, либо читала, либо вязала и чутко прислушивалась, не случилось бы чего... Кто, как не актриса с ее способностью к перевоплощению, могла понять внутреннее состояние Алексея Максимовича. Но она увлеклась не только Горьким, но и революционными идеями. Она становится финансовым агентом партии и изыскивает повсюду средства для революционной деятельности. За деловую хватку, умение «выбить» и достать Ленин назвал ее «товарищ Феномен». Мария Федоровна так увлеклась партийными нуждами, что временами Горький чувствовал себя одиноким. Он оставил Марию Федоровну. Воистину неисповедимы пути Господни. Но удивляет не только это: в конце концов, разве так уж редко люди расходятся? Самое странное было в другом. Мария Федоровна стала одной из обитательниц квартиры на Кронверском и, следовательно, свидетельницей всего дальнейшего хода личной жизни писателя. А эта открытость, полное пренебрежение тем, что порой именуют общественным мнением, как раз и давали обильную пищу для толков и пересудов.

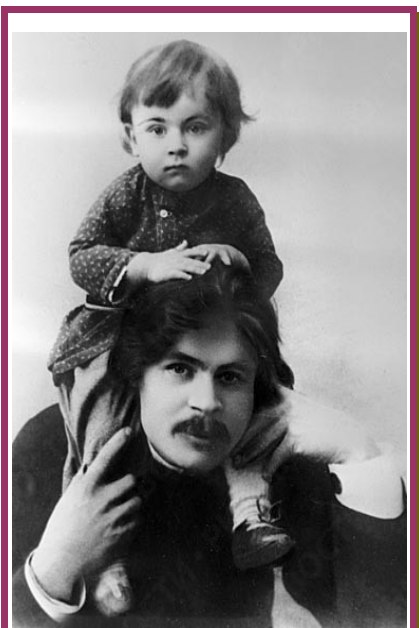
Горький был выше людской молвы. Но, тем не менее, очень сложно понять, как в его доме сочеталось несочетаемое: жила Мария Федоровна, запросто появлялась Екатерина Павловна и, наконец, сама Мура. Мура (Мария Игнатьевна Закревская-Бенкендорф-Будберг) была третья и самая роковая женщина в жизни Максима Горького. Именно ей, своей возлюбленной, пролетарский писатель посвятил роман «Жизнь Клима Самгина», над которым работал последние 11 лет своей жизни. В этом произведении в центре внимания история пустой души русского интеллигента. Первоначально книга так и называлась «История пустой души». Главный герой претендует на ведущее положение в обществе, на оригинальность, неповторимость, на лидерство, хотя никаких данных у него для этого нет. Несмотря на то, что в книге сильный социальный фон, в центре — коллизии не политические, а духовные. Итак, Мура.

Она прожила вместе с Горьким 12 лет, пережила его на 38 лет. Встреча ее с Горьким произошла в издательстве «Всемирная литература», которое основал Алексей Максимович. В издательстве Мура сначала выполняла работу секретаря: печатала на машинке, занималась почтой, звонками. Показала себя как работник толковый, незаменимый. Стала помогать Горькому в его литературных делах, а потом незаметно, мимоходом — в налаживании его бестолкового быта. Тут она в полной мере обнаружила один из многих своих талантов: быть необходимой, отнюдь, не будучи навязчивой. Мура отлично понимала, что Горького она интересуется все больше не только как умелая домоправительница.

Г.Уэллс, М.Горький, М. Закревская

Чувствовала, что теперь можно включить те таинственные механизмы влияния на мужчину, которыми, располагает любая женщина. Мельком брошенный, словно бы обволакивающий взгляд, слегка игривая интонация, непринужденный юмор.. Этот разведочный период, впрочем кончился очень скоро, потому что предполагаемые правила игры Горький принял охотно. И он не стеснялся того, что свидетелями этой игры становятся другие. И практичная Мура теперь отлично понимала, что та игра, которая была ею начата, удалась. И что эта игра перестала быть игрой, и что ей тоже хочется быть с этим удивительным человеком. Что же это была за женщина?

*М.Горький с сыном
Максимом*

Имя Мура закрепилось за ней на всю жизнь. В девичестве — Закревская. Потом — Бенкендорф, по первому мужу, дипломату. Затем — Будберг, по второму мужу, барону Николаю Будбергу. Родилась она в 1892 году в семье Игнатия Платоновича Закревского, петербургского сенатского чиновника. Училась в институте благородных девиц. Затем родители послали ее в Англию продолжать учебу. Там она встретилась с тем, кто стал ее первым мужем. В 1913 году родила девочку, в 1915 — мальчика. Но ни мужья, ни двое ее детей не сыграли значительной роли в ее жизни. Вообще надо сказать, что ни у Горького, ни у Брудберг семьи, как таковой не было.

Например, Горькому нравились отношения, которые складывались у его сына с невесткой. Их обоюдное увлечение живописью. Он был страшно рад, когда появилась первая внучка — Марфа, а потом и Дарья — нежно любил их. И вообще, он любил детей и умел находить к ним свой игриво-серьезный-взрослый подход, неизменно окрашенный юмором. Но вряд ли все это можно было назвать семьей (подолгу жил без своих детей). Хотя «Детство» посвятил своему сыну.

В Советском Союзе было не принято писать о Марии Игнатьевне, поскольку Горький был пролетарский писатель, а она эмигрантка.

Семейную идиллию Горького и Закревской нарушил приезд знаменитого английского писателя Г. Уэллса, который в 1920 году решил посетить революционную Россию. В те времена найти приличный номер в гостинице было проблемой, поэтому Уэллса определили на постой в дом Горькому. Мария Игнатьевна вызвалась быть переводчицей Уэллса. Как-то утром Горький застал его в постели с Закревской. Успокаивая Горького, Мария Игнатьевна говорила: **«Алексей Максимович, какой вы, право! Ведь даже для самой любвеобильной женщины сразу два знаменитых писателя — это слишком много! И потом, Герберт старше вас!»**.

Горький простил измену. Они прожили с Закревской 16 лет, общих детей у них не было.

Самые трогательные воспоминания о ней оставил Герберт Уэллс. Связав свою судьбу с Горьким, она не забывала Уэллса. Связь их длилась много лет. Он настаивал на регистрации брака. Она постоянно уклонялась. Предпочитала свободу. Недаром Горький сказал о ней: **«Железная женщина»**. Г. Уэллс очень любил Муру несмотря на ее многочисленные связи с мужчинами. Она-то была железной, а он просто любил ее. И, наверное, не только потому, что она была моложе его (как и Горький) на четверть века. Признавался: **«Я люблю ее голос, люблю ее присутствие, ее силу и ее слабость»**.

Уэллс считал, что фотографии его возлюбленной не дают представления о ее привлекательности. По воспоминаниям современников, даже будучи глубоко старухой, она всегда была уверена в себе. Держалась прямо. Сильно красилась, курила. **«Мура была неопрятна, склонна к полноте, любила выпить, ела ужасно, заглатывая большие куски»**, - говорил Г. Уэллс. Так что секреты своего обаяния и многие другие секреты она унесла с собой, уйдя из жизни в 1974 году в возрасте 82 лет.

Ее подозревали в связях с английской разведкой и с ЧУ-ОГПУ-НКВД.

М.Горький с внучками

Иначе чем объяснить тот факт, что она, эмигрантка, беспрепятственно ездила в СССР, когда бы ей ни захотелось. И каждый раз так же беспрепятственно возвращалась в Англию. Уэллс же знал о ее шпионской деятельности. О том, что она повсюду собирала информацию. Ею даже интересовалась французская разведка. Все это его раздражало. И еще. Она была поразительно скрытной. Не только скрывала правду, но и создавала множество легенд о своей жизни. И поэтому отделить правду от вымысла крайне трудно.

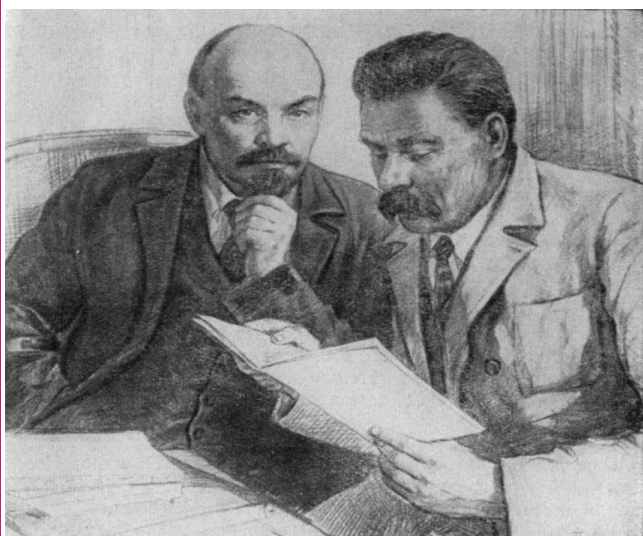
Вообще говоря, отношения единственной законной жены Горького Екатерины Павловны и Муры складывались не худшим образом. Ведь Мура оттеснила Марию Федоровну, которая разрушила ее семью. А, Мария Игнатьевна обнаружила и такт, и внимательность, и сумела расположить к себе и ее, и Максима и Тимошу. На эту легкомысленную молодежь влияла вполне положительно. Тактично, но настойчиво приучала к труду. А когда Тимоше наступила пора стать матерью, обнаружила все необходимые знания акушерки...

Поэтому и внушки Горького Марфа и Дарья относились к ней вполне благосклонно, хотя, подрастая, не могли не понимать необычность ее положения рядом с дедом.

Но вернемся к творчеству Горького. После Помяловского и Достоевского никто из русских писателей не предложил такой обширной панорамы зла, как он. Плотность зла на условную квадратную единицу его текстов столь высока, что оно порой как бы материализуется и приобретает предметный характер.

В то же время добро в мире Горького часто оборачивается иллюзией, после утраты которой жизнь оказывается еще страшнее. Хотя в ранних своих рассказах Горький пытался найти светлое начало, взывал к сочувствию и выступал против попыток унижить и оскорбить «маленького человека».

Горький выделил себя из «людей» и хотел найти «человека». Он постоянно внутренне вопрошает мироздание: зачем оно так плохо устроено? Он бунтует против человеческой жестокости и несправедливости, но в душе бунтует против Бога, который сделал этот мир и этих людей такими. Горький ищет не личного спасения от «духовной пустыни», а ищет ответы на главные вопросы бытия.

В. Ленин, М. Горький

Герои многих рассказов Горького, в отличие от традиционных русских типов «маленьких» или «лишних» людей, прежде всего экспансивны. Они не мыслят иной формы жизни, кроме борьбы, кроме самоутверждения за счет врага, к которому они питают не только ненависть, но и странное чувство любви. Наличие врага необходимо им, как воздух! В иной атмосфере они просто задыхаются.

Горький жил и работал в непростое для нашей страны время, время революций, смены режимов.

Отношения с властью, с Лениным были у него крайне сложными: они не были врагами, но и друзьями они никогда тоже не были, и в эмиграцию от Ленина Горький никогда не уезжал, потому что нельзя назвать эмиграцией оплаченную бессрочную командировку от Наркомпроса. Все было гораздо проще и сложнее. Отъезд Горького за границу в 1921 году объясняется рядом причин: он не смог договориться с Лениным о своем месте в революции, Ленин элементарно «отсек» Горького от партии, потому что продолжал бояться его и второе — Горький был, действительно, критически болен, у него возобновился туберкулез. Гибель Блока, Гумилева, гонения на интеллигенцию сделали свое дело.

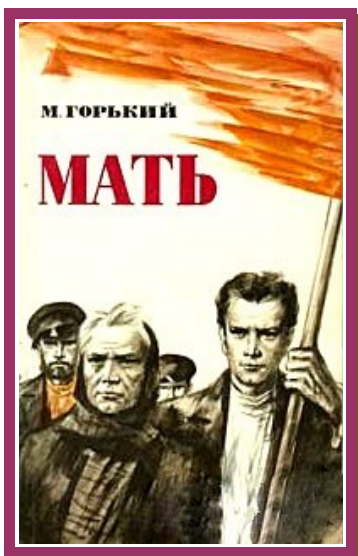
Алексей Максимович был потрясен и раздавлен волной «красного террора». Конечно, он и в страшном сне не мог себе представить, что чаемая им русская революция выльется в массовое самоистребление народа, гибель интеллигенции и методическое уничтожение большевиками своих политических оппонентов. Конечно он «мечтал» о другом, о «культурной роли революции». Как «великий писатель» Горький Ленина устраивал. Но, как идеолог, да еще партийный, Горький был для него смертельно опасен. Но чисто человеческие качества писателя Ленин ценил очень высоко. Как человек, он был выше всех своих писаний. Ленин отчетливо выделял такую черту русского самородка, как скромность. По случаю своего 50-летнего юбилея, Горький запретил выпускать книгу о себе в издательстве, которое сам же и возглавлял.

Со Сталиным тоже было все не просто. Горький до конца не входил в сталинское окружение. Сталин мог назвать его своим соратником, бывшим товарищем по партии. Он мог назвать его своим другом, но не частью окружения.

Повесть «Мать» - одно из самых слабых в художественном отношении и самых загадочных, с точки зрения духовной судьбы, произведений Горького. Таким образом, сотворив из «Матери» своего рода культовую для «социалистического реализма» вещь, коммунистические идеологи совершили двойную ошибку. И в художественном, и в смысловом планах «Мать» является произведением невнятным даже для взрослого читателя, не говоря уже о школьниках, которым навязывалось это произведение в советских учебных программах. Сам Горький прекрасно знал цену этой повести и не слишком высоко ее ставил. Тем не менее, если «вынуть» «Мать» из творчества Горького, обнажится серьезная пустота, и многое в судьбе Горького станет непонятным. Дело в том, что «Мать» - это единственная (и провалившаяся) попытка написать новое евангелие, евангелие от пролетариата. «Мать» писалась в расчете на пусть и образованных, но все же простых рабочих. Для них, крещенных, воспитанных в православной вере, с детства ходивших в местную

М. Горький, И. Сталин

церковь и уже поэтому знавших евангельский текст, была специально создана эта повесть. Для советских школьников, церковь не посещавших, «Мать» превратилась просто в «чистый лист», на котором советская идеология выводила какие-то свои собственные письма, не имевшие к смыслу этой вещи никакого отношения.

Официальная дата смерти Горького 18 июня 1936 года. Умер он от болезни легких. Вокруг умиравшего Горького бушевали какие-то темные страсти, плелись и сами собой заплетались таинственные интриги. Ни один из великих русских писателей не умирал в такой конспиративной и спешной атмосфере. Но, правды ради надо сказать, что Горький сам запутал себя в этих

интригах. Трагедия писателя была во многом подготовлена им самим. Две главные женщины в его жизни Пешкова и Брудберг в наговоренных воспоминаниях как бы не могут «поделить» покойного. Будберг утверждает, что Горький простился в первую очередь с ней, а Пешкова утверждает обратное.

Для Горького смерть — это «недоразумение» природы. Как это, человек — венец творения, и смертен? Непорядок. Горький обижен не за себя, за Человека. Человек — его Бог! - не может сделать себя бессмертным. Вот что его обижало. А к собственной смерти он был почти равнодушен, вернее он ее презирал. Умер он тихо, стoisчески. Смерть его нельзя, конечно, назвать христианской. Не исповедовался, не причастился, но ощущение религиозного смирения перед неизбежностью ухода из жизни присутствовала в его последних часах.

Тело его, вопреки завещанию похоронить его рядом с сыном на кладбище Новодевичьего монастыря, было по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) кремировано, урна с прахом помещена в кремлевскую стену. В просьбе вдовы Г. Пешковой, отдать ей часть праха для захоронения в могиле, коллективным решением Политбюро было отказано.

Много было слухов по поводу его кончины. Одни писали, что его убрали по приказу Сталина, другие утверждали, что смертельную таблетку ему дала Будберг. Понять, что же произошло на самом деле — сложно.

В начале 90-х годов история болезни Горького была передана из архивов Лубянки для изучения медицинской комиссии. Эксперты единодушно пришли к двум выводам. Первый: лечение проводилось абсолютно правильно. Второй: вскрытие не обнаружило никаких следов яда в организме Горького, а лишь подтвердило крайнюю его изношенность. Но, в то же время, не так давно за рубежом была издана книга «История шпионажа», согласно которой версия о том, что его убила Будберг, тоже имеет место быть.